

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ : ФАНТОМНЫЕ БОЛИ СССР

Развал империи
вот уже почти три десятилетия
продолжается в головах

Андрей Колесников

Непротивление злу приводит к его
абсолютизации

Лукино Висконти о своем фильме «Гибель богов» (1969)

Согласно исследованию Левада-центра,
проведенному в 2012 году, каждый третий
россиянин считает Россию лидером в
освоении космоса. Ностальгия по СССР
отзывается фантомной болью и определяет
представления о жизни.

Конечно, находящихся «у времени в плену» заложников вечного мифа о советском величии, становится с годами все меньше. Но 35% уверенных в космическом лидерстве — это немало. К тому же этих респондентов больше, нежели тех, кто уверен в американском лидерстве.

Какая страна сейчас является, на ваш взгляд, лидером в освоении космоса?

	2011 г.	2012 г.	2013 г.
1. Россия	51	36	35
2. США	26	29	31
3. Китай	3	11	9
4. Европейский Союз	3	4	6
Затруднились ответить	17	20	19

Источник: Левада-центр

Характерна «социальная стратификация», делящая опрошенных на «сторонников» того или иного странового лидерства.

Мнение о том, что Россия является «космическим лидером», в наибольшей степени характерно для безработных (46%), пенсионеров и домохозяек (по 39%), в целом для мужчин (37%), россиян в возрасте 40–55 лет (37%), с самым низким потребительским статусом — денег не хватает даже на продукты питания (53%), жителей городов с населением 100–500 тысяч человек (45%) и голосовавших на президентских выборах за Г.Зюганова (41%) или за В.Путина (38%).

Лидерство в освоении космоса отдают США чаще всего служащие (39%), предприниматели (37%) и в целом мужчины (33%), россияне 25–40 лет (35%), с образованием ниже среднего (34%), с невысоким потребительским статусом — денег хватает только на продукты и одежду (34%), москвичи (66%), сторонники М.Прохорова (45%) или В.Жириновского (39%).

Нельзя сказать, что это те самые «две России», одна из которых продвинутая, состоящая из публики Болотной, креативного класса (в российском прочтении, не всегда совпадающем с пониманием автора термина Ричарда Флориды), а другая — из замученных бюджетозависимых поклонников Поклонной. Тем не менее есть и возрастные различия, и водораздел, проходящий по степени урбанизированности, точнее, по численности населения городов, где живут респонденты, в также отличия в занятости.

Более трезвый, а значит, менее обремененный советской мифологией взгляд на вещи — у служащих или работающих в предпринимательской сфере молодых жителей больших городов. У того самого среднего класса, который определяется не столько уровнем доходов, сколько стилем мышления и образом жизни.

Ментальность, обращенная в прошлое

СССР продолжает медленно разваливаться, иногда с оглушительным треском, в головах постсоветских граждан — уже скоро три десятилетия как. И этот процесс многое определяет и объясняет и в устройстве экономики, и в конструкции политического режима, и в ментальности *homo postsovieticus*.

Это ретроспективное устройство постсоветской ментальности, обращенной не в будущее, а в прошлое, очень мешает модернизации России. Модернизации в широком смысле слова, а не в гаджетно-медведевском. Глядя назад, далеко вперед не уедешь. Ностальгия, да еще довольно примитивного, мифологического свойства — не лучшее топливо для продвижения в постиндустриальной среде. Единый учебник истории и единая школьная форма, советский гимн и нормы ГТО — все это ностальгия как последний патрон самосохранения власти. Самосохранения ради самосохранения. И, конечно, важный ресурс этого типа поведения — бедность населения. Во всяком случае, то, что на языке социологов называется — «хватает только на продукты и одежду» или «не хватает даже на продукты питания» — провоцирует возникновение ментальности, обращенной в прошлое.

Символ ностальгической конструкции, ее стержень — не вегетарианский (сравнительно, конечно) Леонид Ильич Брежнев, а жестокий Сталин. При том, что деятельность Брежнева, согласно опросу мая 2013 года, положительно оценивают — 56%, а Сталина — 50%.

«Хороший Сталин» — известная метафора, ставшая названием книги Виктора Ерофеева. Генералиссимус год от года становится не то чтобы лучше, но как-то теплее и незаменимее. Социология упорно демонстрирует приверженность существенной части россиян к мифу о Сталине. Легко осудить сограждан. Сложнее — понять этот феномен.

В недавнем интервью «Новой газете» пред-

приниматель Рубен Варданян объяснил феномен Сталина тем, что Иосиф Виссарионович играл «в долгую» и дал мечту. Какими бы жертвами эта мечта ни оплачивалась, она и в самом деле, по мнению многих наших современников, того стоила.

Значимый фактор: до сих пор существенная часть россиян считает, что Сталин обеспечил победу в Великой Отечественной. То есть не народ победил, а Сталин. Тем самым Георгиевская ленточка приравнивается к портрету вождя.

Возьмем в качестве своего рода кейса Северную Осетию, где Сталин — чрезвычайно популярный персонаж. Памятник Сталину в Куртатинском ущелье в поселке Верхний Фиагдон — величествен, находится в великолепном состоянии. Памятник Сталину в селе Даргавс рядом с туристической достопримечательностью — Городом мертвых — стоит напротив обелиска с именами погибших в войну. Рекламный плакат КПРФ на въезде в село Эльхотово сообщает о том, что Сталин тоже был коммунистом. Рисованный портрет Сталина на скале по ходу движения по серпантину в столь милом сердцу Юрия Визбора Цейском ущелье. Нетрезвый бывший борец-чемпион, прибывающий с бутылкой араки «от нашего стола к вашему столу», первым делом, покачиваясь и помогая силам поверхностного натяжения в рюмке всем своим мощным телом, без предисловий начинает рассуждать о том, что «зря ругают Сосо».

Консультации с местной интеллектуальной элитой показали, что отчасти популярность вождя связана с памятью о войне, которая бережно хранится чуть ли не в каждом местном селе. Но репрессии прокатились по Осетии с не меньшей, а то и с большей силой, чем в некоторых других регионах страны. Возможно, этническое происхождение вождя — «и широкая грудь осетина» — тоже играет свою роль. Ностальгия по СССР в республиках, которые когда-то были вписаны в народнохозяйственные цепочки, а затем утратили свое значение всесоюзных кузниц, житниц, здравниц, — тоже вполне распространенное явление.

Ося-50%

Ностальгия, бедность (и то не всегда), миф о порядке, память о войне как причины неосталинизма — это известно и банально. Не менее банально и стандартное мнение: Сталин считается жестоким тираном, но при этом за ним оставляется привилегия победителя в Великой Отечественной. Кстати, в этом

контексте Ленин оказывается в более выгодном положении. Отрицательно к его деятельности относятся 28% респондентов, положительно — 55%. У Сталина соотношение 38% к 50%.

Однако все равно в этой любви к Сталину больше мистического, нежели рационально объяснимого.

Многие просто не верят в «плохого Сталина». Вот, например, опрос Левада-центра (2010 год) о Катыни. 26% респондентов слышали о том, что вина НКВД в расстреле польских офицеров доказана документально, и не сомневаются в этом. Но 28% слышали — и сомневаются. Не верят документам с резолюциями вождя.

Слышали ли Вы, что документально установлено, что польские офицеры в Катыни были расстреляны силами НКВД?

Знаю и не сомневаюсь в этом	26
Слышал, но сомневаюсь в этом	28
Впервые слышу об этом	47

Знаете ли Вы о том, что еще в 1990 г. руководство СССР признало ответственность советских властей за трагедию Катыни?

Да	24
Нет, впервые слышу об этом	77

Знаете ли Вы о том, что в ходе последнего визита в Польшу В. Путин признал нашу ответственность за трагедию Катыни, назвав это преступлением, которое невозможно оправдать?

Да	35
Нет, впервые слышу об этом	65

Испытываете ли Вы чувство стыда за произошедшее в Катыни?

Определенно да	7
Скорее, да	21
Скорее, нет	30
Определенно нет	20
Затруднились ответить	23

2010 г., апрель

По данным Левада-центра, о распаде Советского Союза жалеют уже меньше половины россиян. (В ту же «копилку»: треть — за то, чтобы убраться тело Ленина из Мавзолея.) Граждане, которые сожалеют о распаде Советского Союза, по-прежнему составляют относительное большинство (49%). Однако по сравнению с данными 2000 года их стало на четверть меньше. Одновременно растет число тех, кто не жалеет о распаде СССР. В 2000 году таких было лишь 19%, а сейчас уже 35%. Причем за тот же период увеличилось число граждан, которые затрудняются сформировать свое отношение к исчезновению Советского Союза (с 6% до 16%). Больше всего россияне жалеют о развале СССР из-за того, что потеряли чувство принадлежности к великой державе (52%). (Путину поддерживают во многом за то, что он «вернул» России «статус великой державы» — все эти слова приходится заключать в кавычки, поскольку они не соответствуют реальной семантике и являются мифологическими фантомами.)

При этом более или менее реалистичном отношении к тому, что старое доброе время не вернуть, неуклонно растет число симпатизирующих советскому политическому строю — за год (к началу 2013) число таких респондентов выросло с 29% до 36% (данные Левада-центра). При этом соотношение сторонников плана и рынка составило 51% против 29%. Понятно, что среди опрошенных много молодых людей, не знавших жизни при Госплане и Госнабде. Но, значит, система образования тоже работает не против Сталина, а на него.

Что ж тогда ругать Путина за эксплуатацию сталинской эстетики? Он всего лишь следует моде. Как те люди, которые придумали в Осетии плакат «Он тоже был коммунистом».

Гуляющие цифры

Как соотносятся представления о России и Западе, об «особом пути» и пути общезивилизационном с ностальгическим ресурсом?

Берем в качестве источника совместное исследование 2008 года Левада-центра и Фонда Наумана под названием «Старо-новые российские мифы».

За движение по пути европейской цивилизации — 20% опрошенных. За СССР — менее 20%, за «особый путь» — 60%.

Казалось бы, картина более чем внятная: общественное мнение России — за «особый путь», советское и западное остаются маргинальными

направлениями. Что, впрочем, не слишком четко соотносится с ответами на вопрос о том, какой тип государства предпочитают наши сограждане: 34% — за государство западного типа, но со своим укладом (особое — 19%, социалистическое — 10%, позиция «лишь бы было хорошо» — 29%). То есть тезис, который можно примерно описать словами «жить, как на Западе, но по своим правилам», остается самым популярным.

Стремление к «нормальности», к жизни в более или менее стандартном государстве, поставляющем качественные сервисы, подтверждается другим исследованием, подготовленным весной 2013 года для доклада Центра политических технологий «Власть — элиты — общество: контуры нового общественного договора». 38% считают, что Россия должна стать «демократией, как Европа»; 24,4% — должна идти своим путем, как при Путине, 17,6% «алкают» железной руки; 12,5% — вновь хотят социализма.

Получается, что 54,5% респондентов в принципе выступают за модели, не слишком сочетающиеся с демократией. Но 38% сторонников нормального пути (цифра, вполне бьющаяся с 34% в другом исследовании) — это немало. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы сформулировать и сформировать доминантную политику в государстве и обществе. Невзирая на все советские фантомные боли, ностальгию и мифологизированность сознания.

Странно, что при этом, согласно другому исследованию февраля 2013 года, процент сторонников демократии по образцу западных стран за год уменьшился на 7 пунктов — с 29 до 22%.

Цифры гуляют, что свидетельствует о несколько неустойчивом состоянии общественного сознания, которое в зависимости от политической конъюнктуры может двинуться в любую сторону. Хотя базовое ядро — желание нормальной спокойной жизни — остается.

И в этом контексте советские фантомные боли, не отпускающие массовое сознание, тем не менее уходят, оставаясь ностальгической утопией, обращенной в прошлое, но не слишком пригодной для будущего.

Банальность (ко)зла

Еще один важнейший вопрос: почему постсоветское общественное сознание столь подвижно, так чувствительно к флуктуациям политической конъюнктуры, в том числе к мнению

начальства и генеральной линии государственной идеологии? Почему так быстро меняется общественное мнение в соответствии с идеологическими установками сверху?

Самые дикие антизападные предрассудки, недоверие к частной инициативе, в том числе правозащитной и волонтерской (более 50% сограждан одобрили жесточайшие меры по отношению к НКО-«иностранным агентам»), готовность воспринимать как норму все возможные советизированные или репрессивные инициативы власти, клерикализация и «чековизация» сознания — все это возникло словно бы в одночасье и стало мейнстримом в массовом сознании. Получилось очень быстрое воспроизводство советской матрицы без понимания того, что она советская. Именно скорость — в один «клик» — перемен в головах поражает больше всего. Хотя этот феномен описан, и он не является квалифицирующим признаком исключительно российского народа.

Это — часть более общего и чрезвычайно сложного вопроса о банальности зла. Ханна Арендт в работе «Некоторые вопросы моральной философии»: «...еще более пугающим оказалось то, с какой легкостью все слои немецкого общества, включая прежние элиты, не тронутые нацистами и никогда не отождествлявшие себя с партией у власти, пошли на сотрудничество» (художественное осмысление этих сюжетов можно найти у Лукино Висконти в «Гибели богов» или у Джонатана Литтелла в «Благоволительницах»).

А потом, после войны, невероятно быстро массовое сознание немцев развернулось в другую сторону. Арендт: «Что случилось с его совестью? Почему она не сработала? И почему в послевоенной Германии не нашлось нацистов? Почему все смогло перевернуться во второй раз?»

В сущности, то, что произошло в годы «перестройки», когда почти весь народ вдруг стал антикоммунистом, — иллюстрация к мысли Ханны Арендт (сюда же приплюсуем деперсонализации ответственности за происходившее; «я выполнял приказ», «я ничего не знал», «я как все» — это арии из той же оперы). Человек, в конце концов, адаптируется к заданным обстоятельствам. Ей ли, Ханне Арендт, тайной любви Мартина Хайдеггера, ставшего ректором университета в нацистские времена, не знать, как это

бывает... Потому и обратное превращение «перестроечного» народа в народ-обыватель, в «путинское большинство», произошло не менее стремительно. А сейчас этот процесс вошел в следующую логическую стадию — архаизации сознания.

И вот парадокс: «совок» как исторический период уходит, даже ностальгия теряет энергию, но одновременно происходит советизация слов и действий, пестуются изоляционизм, патернализм, клерикальное сознание. Если остановить второй процесс, не подогревать его сверху, естественным образом пойдет обратное движение — нормализация ментальности, ее вестернизация (бытие определяет сознание, а потом сознание начинает определять бытие). При всех фантомных болях народ готов к демократии. И одно из доказательств возможности формирования иной ментальности, иного массового сознания — этический протест против вранья, фальсификаций и «фейковизации» всего: от выборов до дипломов и диссертаций.

Раньше то, по чему ностальгируют, называлось Верхней Вольтой с ракетами. Сейчас получился Усть-Урюпинск с айпадом. Оба варианта хуже. Имперские клозеты можно починить на европейский манер, а вот вывести империю, три десятилетия разваливающуюся в головах, из сознания людей — задача потяжелее будет. Сознание продвинутой элиты должно изменить бытие власти, а уже бытие власти должно будет определить сознание людей. Иначе, судя по всему, пока не очень получается.

P.S. В театре-студии «Наш дом», существовавшей с конца 1950-х до конца 1960-х годов, была такая реприза. Последовательно, один за другим, на сцену выходили люди со словами: «Что я могу сделать один?» Этот манифест против массового отказа от ответственности хорошо показывает психологию, способствующую адаптации к внешним обстоятельствам — даже если эти обстоятельства не нравятся. Ровно этот механизм воспроизводится сейчас. Студию, кстати, в 1969-м, после заморозков, прикрыли...

Статья основана на материалах лекции, прочитанной в рамках «Гайдаровских чтений» в апреле 2013 года в Российско-армянском славянском университете (г. Ереван) ■□■